

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-143-151>

Мотивы притчи о блудном сыне в романах «Номер Один, или В садах других возможностей» Л. С. Петрушевской и «Дом близнецов» А. В. Королева

Оксана Анатольевна Колмакова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, post-oxygen@mail.ru

Аннотация

Предметом анализа в статье является авторская рецепция сюжета притчи о блудном сыне в творчестве современных русских писателей Л. С. Петрушевской и А. В. Королева. Материалы, использованные в исследовании: романы «Номер Один, или В садах других возможностей» Л. Петрушевской и «Дом близнецов» А. Королева.

В результате исследования выявлено, что проблематика и поэтика романов «Номер Один, или В садах других возможностей» и «Дом близнецов» определяется центральной коллизией «сын – отец», реализованной посредством узловых для евангельской притчи мотивов ухода, возвращения, прощения, любви. Анализ указанных романов позволяет говорить о различных типах диалогических отношений современных писателей с евангельским текстом. Если в романе Л. Петрушевской можно наблюдать инверсию сюжета притчи, то у А. Королева притча в значительной степени символизируется. Специфика художественной интерпретации притчи о блудном сыне связана с актуализацией смыслов профанного и сакрального уровней. Профанное, десакрализованное, содержание сводится к теме внутрисемейных отношений. В каноническом христианском толковании притчи центральным ее событием является «воскресение» блудного сына, рождение в нем «нового человека». Номер Один Петрушевской открывает в себе Героя, Валентин Драго А. Королева – Личность. Евангельский мотив возвращения у современных писателей репрезентирует их индивидуально-авторские метафоры. В романе Л. Петрушевской – это обретение человеком своего идентифицирующего начала, находящегося вне материально-гедонистических ценностей. У А. Королева авторской метафорой становится возвращение человеку его субъектности, потерянной под влиянием процессов усреднения в современном массовом обществе. В целом сюжет о блудном сыне осмысливается современными авторами как модель разрешения конфликта поколений, как вмещающее глубинных сакральных смыслов, а также как средство воплощения индивидуально-авторских метафор.

Ключевые слова: современная русская проза, притча о блудном сыне, сюжет, мотив

Для цитирования: Колмакова О. А. Мотивы притчи о блудном сыне в романах «Номер Один, или В садах других возможностей» Л. С. Петрушевской и «Дом близнецов» А. В. Королева // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 143–151. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-143-151>

The motives of the parable of the prodigal son in novels “Number One, or In the Gardens of Other Opportunities” by L. S. Petrushevskaya and “Twins’ House” by A. V. Korolev

Oksana A. Kolmakova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, post-oxygen@mail.ru

Abstract

The evangelical parable about the return of the prodigal son was repeatedly used as the subject of literary contemplation in the Russian classical literature of the 19th and the 20th centuries. The plot of the prodigal son parable is still popular in contemporary Russian literature. For example, the plot was originally interpreted in the novels “Number One, or In the Gardens of Other Opportunities” by L. S. Petrushevskaya and “Twins’ house” by A. V. Korolev. The central conflict “son – father” realized through key evangelical parable motifs of departure, return, forgiveness and love determine the issues raised in these works and their poetics. The analysis of these novels helps to distinguish various types of “dialogue” between contemporary writers and the evangelical text. L. Petrushevskaya inverts the plot of the parable, A. Korolev redefines the evangelical parable in a symbolic way. In general, the plot of the prodigal son parable is comprehended by the contemporary authors as a model for resolving the conflict of the generation gap, as a space for profound sacred meanings, and as a means of expressing the author’s genuine metaphor. The plot variants of the prodigal son parable explicate the meanings realized by the Gospel text on

the “profane” and deep levels. Desacralized meaning of the parable can be reduced to the issue of ideal family relationships, which the contemporary writers yearn for and are trying to portray. The deep, Christian understanding of the parable is connected to the idea of the prodigal son’s resurrection understood as a discovery of a “new man” within himself. Number One in Petrushevskaya’s novel becomes the Hero, Valentin Drago of Korolev becomes the Personality. In addition, the evangelical motif of return in the contemporary works represents the authors’ genuine metaphors. The genuine metaphor in the novel of L. Petrushevskaya is the modern person’s acquiring his/her original identity, which is not related to material and hedonistic values. A. Korolev’s genuine metaphor consists in recovering the person’s subjectivity that had been lost because of the processes of standardization in modern society.

Keywords: modern Russian prose, parable of the prodigal son, plot, motif

For citation: Kolmakova O. A. Motivy pritchi o bludnom syne v romanakh “Nomer Odin, ili V sadakh drugih vozmozhnostey” L. S. Petrushevskoy i “Dom bliznetsov” A. V. Koroleva [The motives of the parable of the prodigal son in novels “Number One, or In the Gardens of Other Opportunities” by L. S. Petrushevskaya and “Twins’ House” by A. V. Korolev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 143–151 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-143-151>

Введение

По мнению А. В. Чернова, сюжет о блудном сыне «изначален и определяющ» для всей мировой литературы [1, с. 152]. В. И. Тюпа и Е. К. Ромодановская указывают на две модели осмысления этого евангельского сюжета в произведениях отечественной и мировой художественной литературы. Первая модель предполагает обращение к событийной канве притчи, вторая актуализирует образ блудного сына без последовательного воспроизведения сюжета притчи [2, с. 5]. В современной русской прозе притча о блудном сыне воспроизводится в мотивно-образной структуре таких произведений, как «Лаз» (1991) В. С. Маканина, «Всех ожидает одна ночь» (1993) М. П. Шишкина, «Чапаев и Пустота» (1996) В. О. Пелевина, «Блуждающее время» (2001) Ю. В. Мамлеева, «Светопреставление» (2003) И. Ю. Клеха и др.

В евангельской притче воплощены ключевые смыслы христианского вероучения. В результате искушения плоти человек гибнет духовно; покаяние и смирение дают ему возможность вернуться к Богу; любовь Бога не имеет границ. Центральная идея притчи – восстановление нарушенной в результате грехопадения связи человека с Богом. Перечисленные смыслы важны для понимания литературного произведения с позиций всегда актуальных идей любви и милосердия. Кроме того, востребованность сюжета о блудном сыне определяется связанными с ним «вечными» темами «отцов и детей» и «нравственного выбора личности».

В структуре сюжета притчи о блудном сыне Ю. В. Шатин обнаруживает следующие смысловые компоненты: «требование младшего сына о разделе имущества – раздел – уход сына из дома – распутная жизнь – разорение и голод – работа свинопасом – просьба к отцу принять его наемником – возвращение – радость отца – пир – ропот старшего сына – мораль: „надо было радо-

ваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил; пропадал и нашелся“» [3, с. 36–37]. Культурологи и богословы в смысловом пространстве притчи о блудном сыне выделяют следующие оппозиции: «греховность (сына) – святость (отца)», «уход – возвращение», «раскаяние – прощение» [4–7]. Образ блудного сына, а также перечисленные сюжетно-композиционные «формулы» и их модификации подвергаются художественному осмыслению в романах «Номер Один, или В садах других возможностей» Л. С. Петрушевской и «Дом близнецов» А. В. Королева.

Целью работы является анализ архетипических структур евангельской притчи о блудном сыне в романах «Номер Один, или В садах других возможностей» Л. С. Петрушевской и «Дом близнецов» А. В. Королева. Проведенное исследование позволит выявить символическое значение ключевых мотивов евангельского текста, актуальных для обывденного и для христианского сознаний.

Материал и методы

Материалом исследования послужили романы Л. С. Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей» и А. В. Королева «Дом Близнецов» – тексты современной русской литературы, оригинально интерпретирующие сюжет о блудном сыне, содержащийся в Евангелии от Луки. Ведущим методом исследования является структурно-семиотический.

Результаты и обсуждение

Сюжет романа Л. С. Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей» (2004) «не только символически, но и буквально движется вслед за мифом» [8, с. 196]. Обращение к мотивам притчи о блудном сыне позволяет Л. Петрушевской выйти к актуальным социокультурным смыслам. Автор прибегает к инверсии канонического сюжета евангельской притчи.

Блудным оказывается отец, который, пройдя через искушение, испытания и даже физическую смерть, возвращается наконец в родной дом, к сыну. На наш взгляд, речь следует вести именно об инверсии евангельского сюжета, а, скажем, не о прямом использовании известного античного сюжета об Одиссее и Телемахе, о котором писал критик А. Урицкий [9, с. 209]. В инверсированном виде притча о блудном сыне уже подвергалась осмыслению в «программной» повести Петрушевской «Время ночь» (1992), героиня которой, поэтесса Анна Андриановна, пишет: «Страшная темная сила, слепая безумная страсть – в ноги любимого сына вроде блудного сына упасть» [10, с. 351].

В русской литературе инверсированный сюжет блудного сына можно увидеть в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», где «выявление мотива блудного сына в сюжетной линии отца позволяет обнаружить опасное забвение тех бытийных и нравственных норм, которые выражены в библейской притче о блудном сыне» [11, с. 306]. В «Номере Один...» у Петрушевской инверсия евангельского сюжета символизирует современный мир, в котором перевернута традиционная аксиологическая шкала.

Основным средством создания художественного мира в романе является поэтика деструкции, реализуемая в таких мотивах, как «разрушение» и «деформация». Петрушевская выступает почти как писатель-реалист, обращаясь к теме плачевного положения советской науки на рубеже XX–XXI вв., когда работники НИИ получали зарплату с задержкой в полтора года, и многие из них уезжали за рубеж. Главный герой, Номер Один, является сотрудником научного института, занимающегося проблемами этнографии. Директор института по кличке Панька имеет косвенное отношение к науке и прямое – к криминальным структурам. Удивляться тому, что нечистоплотность сотрудников института стала нормой, с таким руководителем не приходится.

Положение дел в отдельно взятом НИИ Петрушевская проецирует на общую ситуацию кризиса и распада, которые характеризовали российскую жизнь в постсоветское время. Анализируя охвативший Россию процесс социальной деградации, Номер Один говорит о настоящей человеческой инволюции: «При Йоське Джугашвили был феодализм, теперь развитие рабовладельческого строя, плавно переходящий в первобытный (пещера, костер). Бомжи уже живут так и масс, переселенцы» (здесь и далее в цитатах сохранена авторская орфография и пунктуация. – О. К.) [12, с. 123]. Деградировавшему миру современной цивилизации Петрушевская противопоставляет гар-

моничный мир вымышленного малого народа энти, который изучает Номер Один. Л. Петрушевская изображает сообщество энти как утопический социум, но этой утопии грозит гибель: Юрий Кухарев, Кух, нечистоплотный коллега Номера Один, разорил святилище энти – украл аметист из глазницы статуи Царя нижнего мира, нарушив тем самым хрупкий баланс в мироздании.

Тема отцов и детей, сюжетообразующая в притче о блудном сыне, реализуется у Петрушевской в аспекте проблематики социально-деформированной реальности. Используя прием гротеска, писательница показывает ситуацию разрыва традиционных связей между поколениями. Примечательны сетования Паньки, обремененного двумя семьями: «Дачу строю предыдущему сыну. Навязалась на мою голову супруга от первого брака. Как говорится, это только считается, что вы в разводе. Отец должен помочь! А если подумать, что такое отец? А? Секунда!» [12, с. 53]. Кух пренебрежительно называет собственную мать Галькой. Номер Один ощущает себя «блудным отцом», расточившим самое дорогое – семью. «Все мысли о деньгах, но ночами напролет играл на компе. Жене не помогал. Домой шел как на каторгу, скука, скука!» [12, с. 89].

Искушением для героя стала идея компьютерного квеста «В садах других возможностей» с сюжетом путешествия по «адам всех конфессий». Мотив компьютерной игры, с которой связан образ Номера Один, символизирует инфантильность, личностную несостоятельность, т. е. адекватность этого персонажа как раз таки статусу сына. Петрушевская иронически обыгрывает незрелость своего героя, изображая, как он ревнует жену к своему собственному ребенку. Номер Один «угрожает» жене: «...Будет муж кот. Ты будешь больше ценить чем меня и не считать просто подсобной силой которая обязана и обязана все отдавать Алешке как ты все свое время и мысли Алешке а не мне. Он Алешка твой муж и твоё все» [12, с. 248].

У Петрушевской изображается не только духовная гибель героя. В ее романе евангельская метафора смерти и воскресения воплощена буквально. Умерев, Номер Один оказывается в inferнальном пространстве, персонифицированном хтоническим образом Трехпалого, Царя нижнего мира. Осознав необратимость смерти, Номер Один прощается со своей женой и сыном и одновременно просит у них прощения. «...прощайте, прощайте, пора нам уходить, Анюточка, мужайся, на тебя одна одежда. Алешенька, оставляю тебя...» [12, с. 93].

Но подлинным испытанием для героя становится не мифологическая инициация через путе-

шествие в ад, а пребывание его души в другом теле – теле собственного убийцы. Номер Один забрал священный аметист у Куха, но сам оказался убитым неким Валерой, нанятым Панькой с целью завладения квартирой убитого. Чтобы Номер Один смог вернуть камень, жрец энти Никулай-оол переселяет его душу в тело Валеры. Герой со страхом понимает, что новое физическое тело влияет на его, Номера Один, речь, а значит, и на сознание: «Господи, что же это происходит! Надо говорить не „киосок“, а „киоск“, и „ездят“. А не „ездиют“, сельсовет» [12, с. 136–137].

Противоположность личностей Номера Один и Валеры показана посредством оппозиции «отец – сын». Номер Один вспоминает, что в детстве никак не мог поверить в гибель отца и «все кидался на старух, которые пришли обмывать покойника, „Я вас просто прошу, умоляю, он жив, вы видите? Уходите!“ Отца принесли из тайги. Видимых повреждений не было» [12, с. 139]. Диаметрально противоположное отношение к отцу демонстрирует Валера: «Отец смешной был. Я его зарезал. <...> Он меня тубареткой по кумполу. Я его ножом хлебным» [12, с. 163]. И тем не менее Валера – это часть Номера Один, воплощение, по выражению И. А. Ильина, «бессознательно-инстинктивной глубины души» [13, с. 231]. Личность Номера Один «впустила» в себя бандита, поскольку в ней было немало созвучного этому вторгшемуся в нее чужому я: и ценные артефакты, добытые в этнографических экспедициях, Номер Один иностранцам продавал, и заработать легкие деньги на продаже квеста мечтал, и собственным больным сыном тяготился. Однако именно вторжение Валеры, гротескно заострившее в Номере Один отрицательную сущность личности, позволило герою взглянуть на себя со стороны и критически переосмыслить имеющуюся у него ценностную иерархию.

Проведя своего героя через «все круги ада», Петрушевская заставляет его осознать необходимость нравственного очищения и искупления греха. Ранее сформировавшаяся у Номера Один материально-гедонистическая система ценностей теряет свою актуальность. «Блудный отец» осознает необходимость возвращения в родной дом, к сыну и жене, в которых только и возможна его идентифицирующая самореализация. В электронном послании жене Номер Один формулирует свое главное прозрение: «...моя люб к тебе и Алешке теперь со стороны все сильнее вы единственное что у меня мое родное <...> когда рядом и близко то все затянато запачкано бытом и все бьются друг о друга ранят, и только вдали эта люб. так горит и так тепло в груди люблю вас

люблю всех <...> я вернусь все равно» [12, с. 248]. Эти мысли героя провозглашают торжество любви, составляющей основную сущность духовной жизни человека.

Однако завершающее преобразование личности героя наступает тогда, когда он понимает, что должен выполнить свое предназначение – возвратить народу энти украденную Кухом реликвию, без которой в мире «свишет черная вечность» [12, с. 246]. Произошедшая переоценка ценностей изменяет стратегию поведения героя, переориентируя его с сиюминутного на вечное. В структуре личности Номера Один возникает надличное начало, присущее подлинному Герою, который способен «нести тяжесть всего мира на своих плечах» [14, с. 612]. Спасая реликвию энти, а вместе с ней и весь мир, Номер Один поднимается на высочайший уровень истинной любви, проявляющейся в бескорыстной жертвенности. Номер Один, «блудный отец», грешник, вырастает до образа Сына Божьего, который должен искупить грех всего человечества.

В детективном романе-антиутопии А. Королева «Дом близнецов» (2013) реализуется постмодернистская философско-эстетическая система, в основе которой – создание альтернативных версий реальности. Центральные события романа, рассмотренные сквозь призму христианской мифологии, допускают двойное, даже тройное прочтение [15]. Сюжет блудного сына интерпретирован в романе по крайней мере дважды. Примечательно, что и в критике о романе, в частности в рецензии Г. Заславского, персонажи получили культурный ярлык «блудных сыновей» [16].

Внешний сюжет в романе развивается по канонам детективного жанра. Оскар Янкель поручает частному детективу Валентину Драго отыскать своих сыновей-близнецов и известить их о возможности получения наследства матери. Чтобы выполнить поручение, Драго необходимо попасть в закрытую лечебницу «Хегевельд», владелец которой доктор Виктор Борисов, известный также как «фон Боррис», или «князь», силой, по мнению Янкеля, удерживает у себя братьев. Драго приезжает в поместье фон Борриса под видом итальянца дона Клавиго, который оказался очень похожим на русского сыщика.

Дальнейшие события романа происходят в Калининградской области, на территории бывшей Восточной Пруссии. Эта местность обладает нетипичным для России культурно-историческим и природным ландшафтом, связанным с влиянием средневековой европейской культуры – легендами о рыцарях, о «стонущем корне мандрагоры», о привидениях, обитающих в старинных замках. С одной стороны, мифологический хронотоп у

Королева выполняет сюжетообразующую функцию, позволяющую наделять предметы обыденного, профанного мира сакральными свойствами. С другой стороны, очевидна авторская десакрализующая игра с мифом.

Прежде всего автор ведет игру с мифами современного массового сознания. Эти мифы у Королева реализованы в форме традиционных суеверных рассказов (например, в историях о призрак-ке Германа Геринга, которого видели охотящимся в окрестностях «Хегевельда»), а также в обыгрывании «культовых» продуктов современного искусства. Так, персонажная пара «Брат Один и Брат Два», коррелирует образов двух братьев из притчи о блудном сыне, одновременно апеллирует к известной дилогии режиссера А. Балабанова 1997, 2000 гг. Данная аллюзия не только актуализирует целый ряд библейских сюжетов о двух братьях, в частности сюжет Каина и Авеля (имя последнего будет носить младший из близнецов Янкеля), но и работает на один из основных мотивов романа – мотив двойничества. Валентин – двойник Клавиго, в поисках братьев-близнецов Валентин встречает сестер-близнецов Магду и Герду, «Хегевельд» – «копия Рая», а сам фон Боррис «задумал стать близнецом Бога» [17, с. 175].

Отметим, что имена многих персонажей Королева вызывают библейские аллюзии. Так, называя героя «князем Виктором фон Боррисом», автор создает амбивалентный образ, сочетающий в себе как божественное начало – «Боррис» лечит «самые страшные болезни XX века» (рак, аутизм, болезнь Дауна), «поднимает людей из гроба» [17, с. 176], так и дьявольское, присущее «князю тьмы»: секретарь донна Клавиго дает Валентину совет, как «уцелеть в лапах этого черта» [17, с. 176], имея в виду фон Борриса. Среди приближенных фон Борриса – Магдалина, названная дочь князя, и его гость Соломон Зиглер.

Интертекстуальные отсылки к разным ветхозаветным и новозаветным сюжетам и образам в романе накладываются друг на друга. Композиция произведения вызывает аллюзии и с началом книги Бытия, обыгрывая семь дней творения, и со страдальным путем Христа: Валентин испытывает искушение («искус самоубийства»), умирает, воскресает. Первое предложение романа «В начале было слово...» – прямая цитата из Евангелия от Иоанна. Описание Валентина в некоторых эпизодах романа аллюзивно напоминает Христа. Так, автор сравнивает силуэт Драго, балансирующего на крышах «Хегевельда», с «распятием на кресте», а далее называет его «явлением человека в небе» [17, с. 183]. А. Королев использует серию аллюзий, последовательно отсылающих читателя сначала к «Гамлету» У. Шекспира, неоднократно

цитируемому в тексте, а затем – к одноименному стихотворению Б. Пастернака, в котором лирический герой сравнивается с Гамлетом и Христом одновременно. В финале романа произойдет наложение буквального и фигурального смыслов мотива воскресения. Фигуральный смысл воскресения связан с финалом притчи о блудном сыне, а буквальный – с образом Христа. Для автора актуально пересечение двух евангельских сюжетов в образе сына – блудного сына из притчи и Христа, сына Божьего.

В «Хегевельде» Валентина не покидает двойственное ощущение. Свое пребывание в поместье герой сравнивает с «пленом египетским» ветхозаветного Иосифа. Вместе с тем только в замке фон Борриса Драго вырастает до уровня полноценной личности. Он понимает, что «понурил раза в два, а то и в три», чувствует, что «стал силен и быстр» [17, с. 276]. Но главная перемена произошла в духовной жизни героя. Принимая участие в ежевечерних «симпозиумах» о Боге, Валентин впервые переживает интеллектуальное наслаждение, когда «не просто думает», а «ликует по поводу того, что может думать о Нем» [17, с. 83]. В своем эстетическом развитии герой также достигает небывалых высот. Он становится восприимчивым к музыке, и удивительное двухголосое пение Фарро, любимчика фон Борриса, вызывает у него «слезы эстетического восторга» и чувство «всепроницающего присутствия Бога» [17, с. 119].

Преображающее личность пространство «Хегевельда» – альтернативная реальность, утопический мир, устроенный волей человека земной аналог «Царства Небесного», в котором действует божественный закон красоты, гармонии и истины. По нашему мнению, в образе фон Борриса достаточно явственно воплощен архетип Боготца, что наиболее ярко проявляется в ипостаси героя как творца, создавшего мир «Хегевельда». Умение внушить страх, категоричность и авторитарность князя заставляют вспомнить грозного ветхозаветного Бога, устроившего Всемирный потоп, сожжение Содома и Гоморры, разрушение Вавилона и Иерусалима.

Образ «благословенной земли Хегевельд» у Королева создан согласно эстетическому канону постмодернизма и характеризуется амбивалентностью. Черты антиутопии в нем связаны с мотивом насильственного удерживания названных «гостей» фон Борриса. Утопическая сущность «Хегевельда» проявляется в его магической способности исцелять человека физически и духовно. Этим своим качеством мир замка резко контрастирует с образом пошлой и убогой современной реальности, которая нивелирует лич-

ность или физически убивает ее (подобно евангельскому блудному сыну, Валентин переживает искушение, но не плоти, а духа – искушение самоубийством, которое стало родовым проклятьем его семьи).

Антиподом «Хегевельда» в романе становится «Макдональдс» – символ современного общества потребления. На диспутах в поместье фон Борриса особое внимание уделяется трапезе. Многообразие и изящество блюд создают яркий контраст чизбургеру из ежедневного меню Валентина: «Наслаждаясь вкусом барашка, запеченного с острыми травами, Валентин вдруг с отвращением вспомнил свой обычный обед в „Макдональдсе“ напротив своего бюро в Питере. Как гадко ворочается во рту вязкая каша из хлеба и мяса, залитая слюнями майонеза...брр» [17, с. 150]. Мотив еды не случаен. А. Королев создает собственный образ рая, в котором, в отличие от канонического христианского рая, возможно не только духовное, но и телесное наслаждение. Герой должен выбрать, в какой реальности он будет существовать дальше: в той, где он «Валюн», постоянный клиент закусочной «Макдональдс», или в той, в которой он Валентин, успешно и с удовольствием играющий роль итальянского архивариуса дона Клавиго, философа-интеллектуала, тонкого ценителя искусства.

Собственно детективный сюжет «Дома близнецов» завершается после того, как Драго находит «блудных сыновей» Янкеля. Читателю открывается секрет удивительного пения Фарро на два голоса. Оказалось, что на груди этого массивного артиста, в волнах пышного жабо скрывался его младший брат. Близнецы, которых искал Драго, были сиаемскими. Однако евангельская притча не может реализоваться в сюжете Янкеля и близнецов, поскольку она искажена обывательским сознанием героя, для которого прощение отца предшествует возвращению сыновей. Излагая суть задания Валентину, Янкель заявляет: «Я... прощаю оболтусов и объявляю их наследниками» [17, с. 5]. О всепрощающей любви отца из канонического текста притчи здесь нет и речи. В притче блудный сын возвращается к отцу отнюдь не потому, что узнал, что тот его простил, а потому, что своим покаянием хочет отплатить отцу за его любовь, которая, несмотря на все прегрешения сына, не иссякает в отце. Смысл притчи, близкий к каноническому, раскрывается в сюжете братьев Фарро и фон Борриса. Лишь в поместье фон Борриса братья получили любовь духовного отца и обрели самих себя.

Противопоставляя образы двух отцов – Янкеля и фон Борриса, А. Королев раскрывает по-

верхностный и глубинный смысл притчи о блудном сыне. Еще А. С. Пушкин в повести «Станционный смотритель» изобразил обывательское понимание притчи: для Самсона Вырина весь ее смысл сводился к идее чисто механического возвращения «блудного дитя». Так и Янкель у Королева пытается любой ценой вернуть сыновей, придавая «служебный статус» акту прощения и совсем не упоминая о своей любви к детям. Глубинные смыслы притчи, связанные с мотивами безграничной любви отца и преображения сына, актуализируются в сюжетной линии близнецов и фон Борриса. По словам князя, «записные самоубийцы спаслись и распелись, как райская птица, чье имя Фарро» [17, с. 284]. Эпитет «райская» не случаен и также уводит к сюжету притчи, поскольку в каноническом ее толковании дом отца – это рай, Царство Небесное, а образ самого отца – воплощение ипостаси Бога-отца.

В сюжетной линии, раскрывающей душевную жизнь Валентина, притча о блудном сыне также играет важную роль. Фон Боррис пытается уговорить Драго остаться, но тот все-таки уезжает из «Хегевельда», стремясь «на волю». Однако там Валентина ждало его «родовое проклятье» – искушение самоубийством, перед которым он не смог устоять. Эпизод суицида Драго изображается автором намеренно гротескно. Символичны подробности самоубийства: недоеденный чизбургер, торчащий изо рта Валентина, и сделанная его рукой надпись на стекле, содержащая одно только слово: «Гав». Предсмертная трапеза героя, «намертво сжатый зубами, залитый кровью кусок от чизбургера» [17, с. 289], обретает символическую дьявольского причастия. «Последнее слово» самоубийцы апеллирует к истории с псами «Хегевельда», о которых рассказал Валентину фон Боррис. Эта история была последним аргументом князя в пользу избранности Валентина. Оказалось, что не все люди, попадающие в поместье, «эволюционируют» до уровня высокоразвитой личности. «Хегевельд» лишь выявляет истинную сущность человека. Доберманы-охранники прежде были людьми, но, прожив немного в «Хегевельде», обнаружили свою низменную, животную природу. Животная сущность, которую проявляет Валентин в мире «Макдональдса», – это не только характеристика представителя современного социума, но и прямая отсылка к мотиву притчи о блудном сыне, который в своем падении дошел до того, что «рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи» (Лк. 15:16) [18, с. 1109].

Второй, фантастический, финал романа завершает сюжетную линию Драго в соответствии

с евангельским текстом о блудном сыне. «Выстрелив в сердце, Валентин в счастливом ужасе понял, что уцелел. Осечка!» [17, с. 290]. Потрясенный такой удачей, Валентин спешит в «Хегевельд», туда, где его ждет отец. Символичны слова из арии генделевского Ариоданта в исполнении Фарро: «Радость царит на земле. / Мое судно, / Пережив страшную бурю, / Достигло желанного берега» [17, с. 290]. В финальных мотивах воскресения и радости автор обыгрывает слова евангельского отца, обращенные к обидевшемуся «праведному» сыну: «о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил» (Лк. 15:32) [18, с. 1110]. Идея пути к Богу и обретения Бога внутри себя, входящая в смысловой комплекс притчи, у Королева становится метафорой достижения человеком внутренней гармонии. Кроме того, современный писатель придает евангельской притче общечеловеческий смысл, подразумевающий обретение духовного родства, которое оказывается выше родства кровного.

Очевидно, что утопия в романе А. Королева не утверждается однозначно. В интерпретации райского пространства ключевую роль играет образ мандрагоры, которая мистифицирует каждого, попадающего в сферу ее влияния. Ребенок с диагнозом «болезнь Дауна» превращается в «Хегевельде» в «прелестную большеглазую девочку» [17, с. 67], старый пес-инвалид «бежит без коляски» [17, с. 284], а «усталый человек с мешками в синих подтеках под глазами» [17, с. 284] становится блестящим «князем», «повелительным господином». Будучи постмодернистом, А. Королев подвергает игровому разоблачению сами правила игры в утопию, сообщая читателю о том, что за «чертой благодати», т. е. за пределами «Хегевельда», выяснилось, что священная книга «Сад исполнения желаний» – это всего лишь «Пособие для цветоводов», а магический «Шлем Мандрагоры», в котором только и чита-

лась книга, – «обыкновенный бабий чулок» [17, с. 281].

И все же автор акцентирует второй, мистический финал, в котором его герой находит дом, отца и выбирает качественно новую жизнь, позволяющую человеческой индивидуальности реализоваться во всей ее полноте. По нашему мнению, тема обретения полноты человеческого существования в романе А. Королева связана также с такой актуальной проблемой современности, как восстановление субъектности человека. Субъектность подразумевает саморазвитие, самоактуализацию и самореализацию личности. В. А. Петровский называет субъектностью человека «свойство самодетерминации его бытия в мире» [19, с. 117]. В образе «человека „Макдональдса“» А. Королев воплощает проблему утраты субъектности, связанную с процессами усреднения индивидуальности в современном обществе и замкнутости современного человека на своих примитивных потребностях.

Заключение

Интерпретируя притчу о блудном сыне, современные русские авторы используют ее смысловой потенциал в двух аспектах. Первый связан со смыслами «профанного» восприятия евангельского текста и реализуется в мотивах сложных семейных отношений и нравственного выбора личности. Подлинно христианское толкование притчи состоит в идее воскресения блудного сына, осуществленного им через открытие в себе нового человека. Валентин Драго, герой романа А. Королева «Дом близнецов», становится личностью, а заглавный персонаж романа Л. Петрушевской «Номер Один...» – героем. Также евангельский мотив возвращения у современных писателей репрезентирует их индивидуально-авторские метафоры: возвращение субъектности – у Королева и обретение идентифицирующего начала – у Петрушевской.

Список источников

1. Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 151–158.
2. Тюпа В. И., Ромодановская Е. К. Словарь мотивов как научная проблема // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: от сюжета к мотиву / под ред. В. И. Тюпы. Новосибирск: Инст. филологии СО РАН, 1996. С. 3–15.
3. Шатин Ю. В. Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе // «Вечные» сюжеты русской литературы. «Блудный сын» и другие: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. К. Ромодановская, В. И. Тюпа. Новосибирск: Ин-т филол. СО РАН, 1996. С. 29–41.
4. Вежбицка А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеведческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.

6. Гладков Б. И. Толкование Евангелия. Репр. изд. Сергиев Посад: Изд-во Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1999. 767 с.
7. Феофилакт, архиепископ Болгарский. Благовестник, или Толкование Блаженного Феофилакта архиепископа Болгарского на Святое Евангелие: в 4 т. Кн. 3: Евангелие от Луки. М.: Лепта, 2005. 448 с.
8. Лебедушкина О. Про людей и нелюдей // Дружба народов. 2006. № 1. С. 190–198.
9. Урицкий А. Человеческие приключения // Дружба народов. 2005. № 7. С. 208–212.
10. Петрушевская Л. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1: Проза. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1996. 398 с.
11. Ковалева Т. Н. Мотив блудного сына в сюжете романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 2. С. 301–325.
12. Петрушевская Л. Номер Один, или В садах других возможностей: роман. СПб.: Амфора, 2009. 251 с.
13. Ильин И. А. Религиозный смысл философии. М.: АСТ, 2003. 694 с.
14. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
15. Колмакова О. А., Жорникова М. Н. Христианский «код» в романе А. Королева «Дом близнецов»: когнитивный и коммуникативный аспекты // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 6. С. 138–144.
16. Заславский Г. Разодранный мех и ветер времени: Анатолий Королев о дельте постмодернизма, парах мандрагоры и рождении сатиры // Независимая газета. 26.02.2015. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2015-02-26/2_persona.html (дата обращения: 29.05.2023).
17. Королев А. Дом Близнецов: роман-детектив. М.: ArsisBooks, 2016. 296 с.
18. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Библейские общества, 1995. 1376 с.
19. Петровский В. А. «Я» в персонологической перспективе. М.: Высшая школа экономики, 2013. 496 с.

References

1. Chernov A. V. Arkhetip “bludnogo syna” v russkoy literature XIX veka [Archetype of the “prodigal son” in the literature of the XIX century] In: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vv.* [Evangelical text in Russian literature of the XVIII–XX centuries]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1994. Pp. 151–158 (in Russian).
2. Tyupa V. I., Romodanovskaya E. K. Slovar' motivov kak nauchnaya problema [Dictionary of motives as a scientific problem]. In: Tyupa V. I. (Ed.) *Materialy k “Slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury”: ot syuzheta k motivu* [Materials to the “Dictionary of plots and motives of Russian literature”: from the plot to the motive]. Novosibirsk, Inst. Philology of the SB RAS Publ., 1996. Pp. 3–15 (in Russian).
3. Shatin Yu. V. Arkhetipicheskiye motivy i ikh transformatsiya v novoy russkoy literature [Archetypal motifs and their transformation in the new Russian literature]. In: Romodanovskaya E. K., Tyupa V. I. (Eds.) *“Vechnyye” syuzhety russkoy literatury. “Bludnyy syn” i drugiye: sbornik nauchnykh trudov* [“Eternal” plots of Russian literature. “The Prodigal Son” and others. Digest of articles]. Novosibirsk, Inst. philol. of SB RAS Publ., 1996. Pp. 29–41 (in Russian).
4. Wierzbicka A. *Sopostavleniye kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 272 p. (in Russian).
5. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskiye kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy [Language and culture. Three linguistic and regional studies concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientema]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1040 p. (in Russian).
6. Gladkov B. I. *Tolkovaniye Evangeliya. Repr. izd.* [Gospel interpretation. Repr. ed.]. Sergiev Posad, Holy Trinity Sergius Lavra Publ., 1999. 767 p. (in Russian).
7. Theophylact, Archbishop of Bulgaria. *Blagovestnik ili Tolkovaniye Blazhennogo Feofilakta arkhiepiskopa Bolgarskogo na Svyatoye Evangeliiye: v 4 tomakh. Kniga 3. Evangeliiye ot Luki* [The gospel preacher or Interpretation of Blessed Theophylact Archbishop of Bulgaria on the Holy Gospel: in 4 volumes. Book. 3. The Gospel of Luke]. Moscow, Lepta Publ., 2005. 448 p. (in Russian).
8. Lebedushkina O. Pro lyudey i nelyudey [About people and non-humans]. *Druzhba narodov*, 2006, no. 1, pp. 190–198 (in Russian).
9. Uritsky A. Chelovecheskiye priklyucheniya [Human adventures]. *Druzhba narodov*, 2005, no. 7, pp. 208–212 (in Russian).
10. Petrushevskaya L. *Sobraniye sochineniy. V 5 tomakh. Tom 1. Proza* [Collected Works. In 5 volumes. Volume 1. Prose]. Kharkov, Folio Publ., Moscow, AST Publ., 1996. 398 p. (in Russian).

11. Kovaleva T. N. Motiv bludnogo syna v syuzhete romana I. A. Bunina "Zhizn' Arsen'yeva" [The Motif of the Prodigal Son in the Plot of Ivan Bunin's Novel "The Life of Arseniev"]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 301–325 (in Russian).
12. Petrushevskaya L. *Nomer Odin, ili V sadakh drugih vozmozhnostey: roman* [Number One, or In Gardens of Other Opportunities: the novel]. Saint Petersburg, Amfora Publ., 2009. 251 p. (in Russian).
13. Il'in I. A. *Religioznyy smysl filosofii* [Religious meaning of philosophy]. Moscow, AST Publ., 2003. 694 p. (in Russian).
14. Sartr Zh. P. *Bytiye i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness. Experience of phenomenological ontology]. Moscow, Respublika Publ., 2000. 639 p. (in Russian).
15. Kolmakova O. A., Zhornikova M. N. Khristianskiy "kod" v romane A. Korolyova "Dom bliznetsov": kognitivnyy i kommunikativnyy aspekty [Christian "code" in A. Korolyov's novel "House of the twins": cognitive and communicative aspects]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*, 2017, no. 6, pp. 138–144 (in Russian).
16. Zaslavskiy G. Razodrannyy mekh i veter vremeni: Anatoliy Korolyov o del'te postmodernizma, parakh mandragory i vrozozhdenii satiry [Torn bag and the wind of time: Anatoly Korolev about the delta of postmodernism, the pairs of mandrake and the revival of satire]. *Nezavisimaya gazeta*. 26.02.2015 (in Russian). URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2015-02-26/2_persona.html (accessed 29 May 2023).
17. Korolyov A. *Dom bliznetsov: roman-detektiv* [Twins' house: novel-detective]. Moscow, ArsisBooks Publ., 2016. 296 p. (in Russian).
18. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta* [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow, Bibleyskiye obshchestva Publ., 1995. 1376 p. (in Russian).
19. Petrovskiy V. A. "Ya" v personologicheskoy perspektive ["I" in a personological perspective]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2013. 496 p. (in Russian).

Информация об авторе

Колмакова О. А., доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет (ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003).

Information about the author

Kolmakova O. A., Doctor of Philological Sciences, Professor, Irkutsk State University (ul. Karla Marksa, 1, Irkutsk, Russian Federation, 664003).

Статья поступила в редакцию 30.05.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 30.05.2023; accepted for publication 26.09.2023